

А.В.ВАЛЮЖЕНИЧ
ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ, РАСОВАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ США: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ПОДХОД

Впервые о “мегалополисе” (megalo – большой, polis – город) заговорили в Древней Греции. Так называли Аркадию–землю, расположенную по берегам реки Эллисон. Большой город, состоящий из нескольких поселений, был основан в 370 г. д. н. э.

Этот термин стал общепринятым благодаря французскому Ж.Готтманну. В 1961 г. мегалополисом он назвал городскую местность, но не в Греции, а на северо-восточном побережье Соединенных Штатов Америки. Территория мегалополиса простиралась по побережью Атлантики от южной части штата Нью-Хэмпшир до северной части штата Вирджиния. Этот “супергород” получил название “Bowash”, что по сей день никто толком не может объяснить. Супергород связывал метропольные участки полосовидной конфигурации Бостона, Провиденса, большую часть штата Коннектикут, Большой Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимор, Вашингтон и прилегающие к ним земли. Прибрежная полоса этого “мегалополиса” протянулась на 650 км с севера на юг. Его ширина – от 48 до 168 км. Согласно статистическим данным в 1960 г., на территории этого мегалополиса проживало более 36 млн. человек, в 1990г. – около 50 млн. человек (7, с.27).

В этот разряд попал обширный район, простирающийся от Буффало (штат Нью-Йорк) до Кливленда (штат Пенсильвания), от Саут-Бенд (штат Индиана) до Форт Уорта и Далласа (штат Техас). Эту причудливую конфигурацию земель называли также “урбанизированным (городским) комплексом”. Подобные комплексы были “обнаружены” на Западе, Юге, внутренних регионах страны.

В американской специализированной литературе такого рода урбанизированные районы нередко именуются “метрополитенскими ареалами”, “метрополисами”, “городской агломерацией”. Эти “ареалы” обычно охватывают пригородные зоны, не сросшиеся с ядрами агломерации, но тяготеющие к ним в социально-экономическом отношении.

С 1950 г. Бюро цензов США выделяет “метрополитенские статистические ареалы”, в которые входят города с числом жителей более 50 тыс. человек с прилегающими к ним зонами городской застройки, общая численность населения которых составляет не менее 100 тыс. человек. Выделяются они обычно на базе графств. Но в регионе Новой Англии за основу принимаются более мелкие административные единицы.

Определение понятия “города” в США многие годы вызывало трудности в связи с происходящими в стране социально-миграционными процессами. Имеется в виду увеличение доли сельского несельскохозяйственного населения в сельской местности, широкое развитие “маятниковых поездок”, когда значительные группы населения живут вне городов, а работают на городских предприятиях, превращение городов в агломерации или “конурбации”, т.е. в группы близко расположенных, тесно связанных между собой городов, имеющих тенденцию срастаться и превращаться в сплошную урбанизированную территорию. Довольно часто в статистических работах публикуются данные о численности населения городов в пределах городской черты (“административного города”) и городов с пригородами (“фактического города”). Сейчас эти “фактические города” с населением, превышающим миллион человек, относят к разряду “мегаполисов”. Специалисты как бы демаркировали большую урбанизированную агломерацию, включающую в себя ареалы метрополии, которые составляют более-менее однородный комплекс. О такого рода мегаполисах или однородных комплексах, их социально-экономической истории, других компонентах и пойдет речь в настоящем аналитическом очерке.

Первая земля, которую “открыли” европейцы на Северо-Американском континенте, располагалась на месте нынешнего штата Нью-Йорк. Произошло это в 1524 г. Право на управление в новой земле в 1621 г. получила Вест-Индийская торговая компания. Сюда устремились голландцы, которые устанавливали на новых землях и новые порядки. Они распространялись на территории между реками Делавэр и Коннектикут – земли, которые получили название Новые Нидерланды.

Большие группы голландцев в 1625-1626 гг. осели на омываемом реками Гудзон и Ист-Ривер острове Манхэттен. Этот остров стал впоследствии сердцевиной Нью-Йорк Сити.

Впоследствии британцы переименовали Новый Амстердам в Нью-Йорк, а Форт Оранж в Олбани, а Новые Нидерланды приобрели название Новой Англии.

Крупнейшим городом Новой Англии стал Бостон (штат Массачусетс). Его основали английские пуритане, которые за свои религиозные убеждения (они выступали против абсолютизма и англиканской церкви) подвергались преследованиям со стороны короля. Спасаясь от преследований, пуритане стали искать прибежища в Новом Свете. Среди них было немало судостроителей, мореходов, купцов. Первые группы пуритан прибыли в 1630 г. на землю Массачусетского залива, где селились индейцы. Пуритане образовали самоуправляющееся землячество, которое также именовали “библейским сообществом”. Век спустя Бостон вырос в крупный морской порт. В городе насчитывалось в 1720-е годы около 15 тыс. человек (с. 2, с. 66). (Перепись населения США стали проводить лишь с 1790 г.)

Другим крупнейшим городом стала Филадельфия, основанная в 1682 г. членами религиозного общества квакеров. Эта христианская протестантская секта, отвергавшая внешние формы религиозности (церковную организацию, обряды), а также присягу и военную службу, существовала в Великобритании с 1640 г. Как и пуритане, квакеры на родине подвергались преследованиям. Поэтому они с большим энтузиазмом устремились на новые земли в Америку.

Вслед за квакерами в Филадельфию стали прибывать другие иммигранты из Европы. Это были шведы, голландцы, финны. В последующие десятилетия Филадельфия стала заселяться британцами протестантами. Они же, став крупнейшей этнической группой штата, недружелюбно встречали иммигрантов из Германии. С 1720 по 1750 г. около 2000 немцев ежегодно оседали в Пенсильвании. К 1750 г. их число достигло 100 тыс. Отношение к немецкой иммиграции отражают слова Б.Франклина: “Почему Пенсильвания, основанная англичанами, должна стать колонией немцев, которые вскоре станут так многочисленны, что германизируют нас, вместо того, чтобы мы англизировали их” (11, с. 138).

По численности населения Филадельфия росла быстрее, нежели другие города Атлантического побережья. В 1683 г. в Филадельфии насчитывалось 80 семей, в 1699 г. там проживало 4,5 тыс. человек, в 1720 г. – 10 тыс. и 23,7 тыс. – на заре Войны за независимость Северной Америки – 1775-1783 гг. Трудом немцев и английских квакеров, а также чернокожих рабов, завезенных из Африки, Филадельфия была превращена в крупный торговый порт. Английские колонизаторы хотели создать сугубо белую Новую Англию, что не находило позитивного отклика у индейцев, которых вполне устраивала и кормила та земля, которую они унаследовали от своих предков. И индейцы оказывали упорное сопротивление англичанам, которые вторгались на их земли. Белые считали индейцев людьми “низшей расы”. О первых контактах англичан, высадившихся на благодатной земле Северной Америки, сохранилось такое сказание: “Англичане, достигнув берегов Америки, упали на колени, вознося хвалу Господу Богу, но, падая, они раздавили индейцев” (8, с. 115).

Захваченные белыми земли нуждались в приложении к ним рабочей силы. Однако по ряду социально-исторических и психологических причин индейцы оказались “никудашными рабами”. Попав в неволю, они отказывались от мускульного рабского труда. Этому труду индейцы предпочитали молчаливую смерть. Они, как отмечают исследователи, проявляли прямо-таки “уникальную” нетерпимость к рабству и насилию, а также полнейшее безразличие к уходу в мир иной.

Острый недостаток дешевой рабочей силы, в которой так нуждались энергичные предприниматели, привел к поискам рабов в других частях света. Из Европы стали ввозить преступников, осужденных на длительные сроки. Им при этом обещали “скостить срок” за “прилежный труд” в Новом Свете. Но это не решало проблему. Тогда взоры белых поселенцев обратились к Африке.

Начало свободной работорговли положил принятый в 1672 г. в Великобритании закон, разрешавший Королевской африканской компании торговать рабами. В результате в период между 1713 и 1733 г. Англия вывезла в Америку 15 тыс. черных рабов. Установлено также, что

с 1698 по 1707 г. в английские колонии ежегодно импортировалось 25 тысяч негров. В 1760 г. их уже насчитывалось 386 тыс. Согласно данным первой переписи населения (1790), в северо-американских штатах было зарегистрировано 697 тыс. афро-американцев. В Африке за каждого раба платили 12 фунтов стерлингов, а в Америке продавали за 20-40 фунтов. И хотя в колониях раздавались голоса против работорговли, на них не реагировали торговцы живым товаром (10, с. 412).

Завезенные в Америку черные рабы всячески сопротивлялись угнетению вплоть до бунтов и восстаний. Но важнейшей формой их борьбы были побег. Бегство способствовало созданию в городах Севера слоя свободных негров. Однако, как и в городах Юга, этот слой пополнялся вольноотпущенными или выкупившимися на волю рабами. Среди свободных негров были и мулаты, нередко потомки белых рабовладельцев. Большинство тех и других занимало низкое имущественное положение.

На Севере, а также в портовых городах Юга, свободные негритянские рабочие конкурировали на рынке труда с белыми. Это соперничество, усугубленное антинегритянскими настроениями, порождало рознь, доходившую до столкновений и погромов.

Рабы из Африки не составляли однородного класса. Их высший слой – квалифицированные ремесленники и домашние слуги, наиболее близкие к белым, в значительной степени воспринявшие их бытовые и культурные привычки. Бунты и восстания непокорных черных привели к тому, что белые власти в южных штатах приняли ряд законов, запрещающих обучать рабов и свободных негров чтению и письму. Большую роль в воспитании черных рабов в духе покорности и смирения сыграла епископальная церковь. К 1860 г. в США насчитывалось 4 млн. рабов.

Таким образом, с XVII в. население нынешних США состояло в целом из трех расовых компонентов: монголоидного (индейцев), негроидного и европейского. Если первые два компонента не отличались однородным этническим происхождением, то не обладал им и третий, европеоидный элемент, представителей которого стали называть “белыми”. В колониальный период среди переселенцев из Европы доминировали иммигранты из Англии и британских владений, составляющие к концу XVIII в. примерно 80% белого населения. Помимо англичан, это были шотландцы и ирландцы, а также голландцы, шведы, немцы, итальянцы, французы и др. Потомки разных европейских народов, попадая в новые природные и социальные условия, заимствовали друг у друга хозяйственные, бытовые, культурные традиции. Появлялись большие группы индейско-европейских и европейско-негритянских метисов (мулатов) и даже индейско-негритянских метисов (цветных).

Этническое развитие всего этого сложного конгломерата и взаимодействие составляющих его элементов зависело от общесоциального развития страны и определялось глубинными историческими условиями.

Города Атлантического побережья, как мы видели, начинали свою историю в роли опорных пунктов колонизации и заморской торговли. Торговля шла в основном между бывшей метрополией с ее мануфактурами и аграрно-сырьевым американским рынком. А стремительная индустриализация, осуществлявшаяся во многом благодаря капиталам, накопленным при посреднической торговле, явилась главным фактором последующего возвышения городов. Концентрация производства обуславливала рост и развитие городов.

При богатых естественных ресурсах США в ту эпоху испытывали постоянный недостаток рабочей силы. Европейские переселенцы обычно представляли себе американские возможности в преувеличенном виде и идеализировали условия Нового Света. Возникший “американский миф” получил в те десятилетия широкое распространение. Численность населения США росла довольно быстрыми темпами. Накануне войны за независимость в стране насчитывалось около 3 млн. человек. Особенно привлекали иммигрантов слухи о дешевой и доступной земле. На практике же приобретение фермы, о которой мечтали многие переселенцы, оказывалось делом трудным и дорогим, поэтому большая часть иммигрантов оседала в городах, на строительстве каналов, железных дорог и т.п. Жизнь рабочих иммигрантов усложнялась тем, что, помимо тяжелого труда, им приходилось платить высокие налоги, которыми их облагала “британская корона”.

В стране развивались миграционные процессы. Они в первую очередь затрагивали те группы населения, которых по тем или иным причинам не устраивала жизнь на первоначальных поселениях. В основном, это были люди с прибрежных городов Атлантики. Они двигались в необжитые районы страны на Запад вслед за торговцами, охотниками и миссионерами. Их перемещение происходило как по водному пути, так и по проселочным дорогам.

Близ берегов озер возникали поселения. Вскоре на карте появились такие города, как Цинциннати, Сент-Луис, Буффало, Питтсбург. Мигранты из Новой Англии оседали в северной части штата Огайо. А центральную и южную части штата заселяли мигранты из соседних и южных штатов. Однако костяк населения, заселившего долину Огайо – Миссисипи, образовали выходцы из штатов Кентукки и Теннесси.

Аналогичный миграционный процесс наблюдался и по рекам Миссисипи и Миссури. Переселенцы двигались в районы Юго-Запада. К 1850 г. мигранты французского происхождения составляли больше половины населения штата Луизиана. На остальных землях этого штата оседали выходцы из штата Миссисипи, Джорджии и Нью-Йорка.

Города, расположенные на берегах Великих Озер, были также связаны с городами, поднимающимися на берегах рек Огайо и Миссисипи. В 1850-е годы было окончено строительство железной дороги от Нью-Йорка до Эри и других озер. В 1854 г. Нью-Йорк железной дорогой связался с регионом Миссисипи, с городом Новый Орлеан. Железные дороги стимулировали быстрое развитие Чикаго. Название Чикаго было позаимствовано белыми у местных индейцев. Оно означало “сильный” или “могучий”. Так именовался водный перевалочный пункт, расположенный на берегу озера Мичиган. Этот пункт удобно связывал регионы Запада и Юга страны. Первыми поселенцами “сильного” стали охотники за пушным зверем и торговцы с Восточного побережья. Развитие Чикаго, как урбанизированного центра, происходило медленными темпами. Как о “городе”, о Чикаго заговорили лишь в 1830 г., а два года спустя Чикаго получил известность своими победами над индейскими племенами, заселяющими прилегающие территории.

Стимулом развития городского хозяйства Чикаго послужили ассигнования в сумме 25 тыс. долл., выделенные Конгрессом США на постройку портовых сооружений. В город потянулись мигранты с семьями. В 1833 г. в Чикаго насчитывалось 43 жилых дома с двумя сотнями постояльцев. И только в 1873 г. в официальных документах Чикаго стал именоваться “городом”, который стал и “великим железнодорожным метрополисом” (12, с.219).

С той поры развитие Чикаго пошло семимильными шагами. Население города возросло от 5 тыс. в 1840 г. до более 100 тыс. человек в 1860 г., а в 1870 г. оно достигло 306 тыс. человек.

Гражданская война 1861 г. покончила с плантационным рабством и открыла путь к наемному рабству, в котором оказались европейские эмигранты и внутренние мигранты, не сумевшие найти себе надлежащего “места под солнцем”. Война способствовала индустриальному развитию Соединенных Штатов и вместе с этим стимулировала создание пропасти между богатством и бедностью. Если в период основания американских городов растущие кварталы заселялись как богатыми, так и бедными, то последующие застройки предусматривали создание районов с высокой арендной платой и кварталов для бедноты.

Победа Севера в гражданской войне привела к ускоренному развитию капитализма. В стране развернулось бурное строительство железных дорог, в том числе и трансконтинентальных.

Быстрый рост промышленного производства способствовал ускорению темпов урбанизации. Этот процесс прослеживается вплоть до 1930-х годов. Его характерная черта – приток сельского населения в города. Земледельцев и скотоводов влекла в города возможность получения высокой зарплаты.

Менялся и этнический состав населения городов. Нью-Йорк, к примеру, поначалу включал различные этнические и расовые группы. Исследователи выделяли из них одну или две национальности, которые как бы определяли “лицо” города на том или ином отрезке времени. “Лицо” это действительно менялось по мере поселения в городе новых иммигрантов и выезда из города старых.

Нью-Йорк отодвинул Филадельфию на “второй план”, и не только как финансовый, но и как политический центр. Утратив значение финансового центра США, Филадельфия выросла до крупнейшего урбанизированного центра национального и международного значения.

В конце XIX в. жизнь в Филадельфии определялась развитием промышленности и активной иммиграцией. Индустриализация при этом выступала как причина и следствие иммиграции в город и штат Пенсильвания многих тысяч ирландцев, немцев, евреев, итальянцев, поляков, славян. А в третьей декаде XX в. в город хлынул поток пуэрториканцев. К иммигрантам присоединялись черные и белые мигранты, оставлявшие фермы и маленькие города ради “счастливой” жизни в большом городе. Численность населения Филадельфии росла быстрыми темпами: в 1850 г. – 408 тыс. человек, в 1900 г. – 1293 тыс., в 1930 г. – 1950 тыс., в 1950 г. – 2071 тыс. человек (19, с.186).

В центре мегаполиса стали возводить современные здания. Что касается рассредоточения горожан, то здесь учитывались прежде всего их доходы, раса и этническое происхождение. Другими словами, наглядно, как и в других мегаполисах, проявлялся процесс классового и расового расслоения американского общества.

В середине XX в. и Бостон превратился в общепризнанный промышленный, финансовый и торговый центр Новой Англии. Богатство Бостона, как объясняют некоторые американские экономисты, шло скорее от развития промышленности, чем от торговли.

В конце XIX – начале XX в. заметно поменялся этнический состав иммигрантов. Стали преобладать выходцы из Южной и Восточной Европы, а также с Балканского полуострова и с Ближнего Востока.

“Новых” иммигрантов выталкивали из родных стран в основном экономические причины. Перед ними возникали трудности адаптации, поскольку они являлись выходцами из слабо развитых в промышленном отношении стран. Поэтому “новые” иммигранты поначалу занимали в США наихудшие рабочие места, жили подчас в перенаселенных и неблагоустроенных городских кварталах.

Иммигранты, прибывавшие в США, в разной степени, в зависимости от социального положения, профессионального статуса, расовой и национальной принадлежности, подвергались дискриминации. От этого во многом зависела и скорость их натурализации, т.е. получения ими американского гражданства. Со всем этим были связаны возникавшие противоречия между различными группами иммигрантов, между новыми иммигрантами и старожилами.

В первые десятилетия XX в. происходил заметный приток иммигрантов из Мексики. Подъем мексиканской иммиграции приходится на 1910-1924 гг., когда военные действия, экономическая и политическая неразбериха, связанные с мексиканской революцией, служили фактором “выталкивания” из Мексики, а военно-экономические сдвиги периода первой мировой войны породили в США усиленный спрос на рабочую силу. И хотя мексиканцы рассеивались и продолжают рассредоточиваться по разным штатам, основным их регионом по-прежнему остается Юго-Запад.

В начале XX в. наблюдается значительная иммиграция из Азии – преимущественно из Китая, Японии, Филиппин. Их расселение было резко локализовано. В Калифорнии и на Гавайях осело 72,8% японцев, 67,9 % филиппинцев и 51,1% китайцев. Большое сообщество основали китайцы в Нью-Йорке (Чайна таун). Японцы и филиппинцы обосновались в г. Вашингтон и в штате Иллинойс. Мексиканцы составили значительную долю в населении штатов Техас, Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Колорадо, Нью-Йорк. Итальянцы рассредоточились в Среднеатлантических штатах (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания), а также в Род-Айленде и Коннектикуте. Немцев было больше всего в штатах Северо-Запада (Миннесоте и Айове, Южной Дакоте и Небраске, Нью-Джерси). Выходцы из Канады сосредоточены в пограничных штатах. Французы компактными группами заселили Техас и Луизиану; шведы – Иллинойс, Миннесоту, Северную и Южную Дакоту, штат Вашингтон, Орегон, голландцы – Мичиган, поляки – Иллинойс, Висконсин, Мичиган (14, с. 213).

Однако поток иммигрантов, испытывая спады в пору кризисов, продолжал нарастать в годы относительной экономической стабильности. Согласно статистике, только в первое десятилетие XX в. в США прибыло около 9 млн. человек. Среди них были и такие, которые приезжали “на заработки”, возвращаясь затем на родину. Статистика, однако, не вела учет реэмигрантов.

Процесс эмиграции и реэмиграции был прерван первой мировой войной. Возникли затруднения с морскими перевозками, с мобилизацией в странах Европы. Вскоре после войны, в 1920-е годы, в США был принят ряд иммиграционных законов, ограничивающих въезд в страну и поставивших отбор иммигрантов в зависимость от их расовой и национальной принадлежности. Все это отрицательно сказалось на желающих переселиться в США. В то же время американская промышленность, расширявшаяся на военных заказах и поставках, нуждалась в дополнительной рабочей силе. В такой ситуации миграция негров в штаты Севера и Северо-Запада приняла поистине массовый характер. Афро-американские рабочие стали играть важную роль в функционировании промышленности и транспорта США.

Существенно изменилось и расселение афро-американцев. Резко возросла их доля в городском населении. Стал размываться “черный пояс”, охватывающий ряд южных штатов. С 1940 по 1975 г. процент черных в южных штатах уменьшился с 77 до 52%, а в северных увеличился с 22 до 39%. На Западе, где в 1940 г. проживал только 1% черных, в 1980 г. их стало

9%. В Вашингтоне афро-американцы составляют более 75% всего населения города. Но их сравнительно мало (менее 25 тыс. человек в каждом штате) в штатах Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Род Айленд, Коннектикут, Северная и Южная Дакота, Монтана, Айдахо, Вайоминг, Нью-Мексико, Юта, Аляска и Гавайи. Во второй половине XX в. в крупных американских городах появились индейцы (16, с. 89).

Преобладание городского типа расселения позволило иммигрантам одной национальности заселять целые кварталы. В особенности это относилось к мегаполисам – Нью-Йорку, Чикаго, Филадельфии и др. Это способствовало созданию разнообразных национальных организаций – культурных, политических, спортивных и др. Мегаполисы имели большое значение для этнического развития Америки и складывания в ней межэтнических отношений.

Каждая этническая группа пыталась посредством национальных организаций и иными способами сохранить свою самобытность, свои исконные бытовые и культурные традиции. Одним это удавалось, дру-гим – нет. Русские иммигранты, к примеру, так и не смогли сохранить свою самобытность. Они на удивление многих чересчур легко шли на различного рода ассимиляцию с другими народностями. Исключение, разве что, составляли старообрядцы, избегавшие к тому же жить в мегаполисах.

Самая молодая иммигрантская этническая группа – пуэрториканцы быстрее других адаптировалась в бытовом и культурном отношениях. По типу языкового развития, установившемуся уже в XIX в., они перешли к двуязычию, а второе поколение – к английскому языку. Особенности их эстетической культуры (музыка, танцы и т.п.) более всего проявились в разнородном Нью-Йорке. Там пуэрториканцы, как и другие национальные меньшинства, создали ряд организаций, которые настойчиво добиваются уважения их национальных прав и испано-язычной культуры.

Во всех этнических группах бросается в глаза классовое расслоение. В то же время каждой из них свойственны некоторые специфические социальные, а также профессиональные черты. Национальные группы продолжают сохранять свою самобытность и в общественном разделении труда. Этническое и социальное начала переплетаются в стратификации американского населения, иногда даже совмещаются. С тем же переплетением связан общественный престиж и то повышенное внимание к этническому происхождению, которое пронизывает в США отношения людей и отражено в публицистике и художественной литературе.

В 1902 г. Герберт Уэллс предсказал, что центральной фигурой будущего расселения будет не город, который, как таковой, вообще превратится в устарелое явление, подобно почтовой карете, а целый “городской регион”. И хотя Уэллс вошел в историю как писатель-фантаст, его предсказание оказалось вполне реальным. Здесь уже шла речь об сверхурбанизированной зоне, оформившейся на Северовосточном побережье США.

Эта сверхурбанизированная зона отнюдь не представляет собой сплошь застроенную территорию. Каждый из входящих в нее городов сохранил свою самобытность. Однако объем взаимосвязей между ними увеличивается, зоны “маятниковых” трудовых поездок перекрываются. Реальность мегаполиса как новой формы расселения стала вполне очевидной.

Развитие промышленности, которое шло более быстрыми темпами, чем в Европе, оказало решающее воздействие на формирование городской системы США. Сохранение лидирующих позиций в иерархии важнейших портов Северо-Востока, как и возвышение внутренних на Среднем Западе, во многом было связано с ростом в них фабрично-заводской промышленности. В это же время в число ее ведущих центров входили старые промышленные города Новой Англии, центры крупной угледобычи в Пенсильвании и др. В результате на Северо-Востоке сформировался огромный Промышленный пояс.

Концентрация производства в городах обуславливала их рост. Взаимосвязь экономических процессов, ведущих к изменению численности населения и росту города, наглядно прослеживалась в увеличении спроса на продукцию, производимую в городе, что, в свою очередь, вызывало дополнительную потребность в рабочей силе. Эту потребность город мог полностью удовлетворить лишь за счет мигрантов. По подсчетам видного демографа Ф. Хаузера, за 1950-1960 гг. население крупных городов выросло на 35% за счет иммигрантов. Что касается естественного прироста, то он составил 65%.

В то же время в межвоенные десятилетия отмечалось нарастание процесса деконцентрации городского расселения, переселения горожан в пригородные зоны. Начало процесса субурбанизации в американской литературе, как правило, датируется 1920-ми годами, когда пригороды по темпам прироста населения впервые превзошли крупные города. Одна из

важнейших причин субурбанизации в США – развитие автомобильной промышленности. Она позволила некоторым реализовать “американскую мечту” – обосноваться на лоне природы, но в условиях городской комфортности, подальше от большого города с его осложняющимися экономическими и социальными проблемами, высокими налогами, с избытком людей иного социального статуса, а также расовой и этнической принадлежности. Другой стимул субурбии – характер государственной жилищной политики. Акцент в ней делался не на реконструкцию ветшавших больших городов, создание государственного жилого фонда, а на страхование кредитов для частного строительства, которое шло в основном на более дешевых пригородных землях.

Такая государственная политика приводила к тому, что в пригороды устремлялись те, кто был побогаче своих стареющих и слабеющих соседей. Такая ситуация, отмечают американские исследователи, складывалась почти во всех старых промышленных городах, которые остро нуждались, но которым отказывали в инвестициях. Города становились местами концентрации нищеты и безработицы.

В первых исследованиях субурбия представлялась обычно “спальной”. Но в действительности это было не совсем так. Вслед за людьми в пригороды перемещались отдельные отрасли промышленности. При анализе причин этого процесса назывались такие обстоятельства, как нехватка земли в “ядрах агломераций”, разница в уровне налогообложения, развитие грузового автотранспорта, создание обустроенных “индустриальных парков” в пригородах и т.п. Возрастала и значимость социальных факторов размещения промышленности и, в частности, престижности местоположения в пригородах.

Децентрализация хозяйственной деятельности (от предприятий новейших отраслей промышленности до штаб-квартир корпораций) приобрела бурные темпы после второй мировой войны. Пригородные зоны становились все более значимыми в экономическом плане. Вслед за фабриками и заводами в предместьях появились торговые центры, “деловые парки”, исследовательские учреждения и т.п. Процесс субурбанизации не миновал и штаб-квартиры монополий. В субурбии Нью-Йорка обосновалось более половины контор крупнейших промышленных корпораций, из числа разместившихся в этой “экономической столице” Соединенных Штатов.

Вместе с этим социологические исследования показали, что полновесная жизнь в субурбии была доступна лишь лицам с высокими доходами. По существу, для них и создавались “крепости-пригороды”, где они могли бы при случае укрыться от гнева неимущих, проживавших в разрушающихся домах “внутреннего города”. Однако федеральная политика США в 1890-1990-е годы имела тенденцию не только к обособлению людей по имущественному цензу, но и к их разделению по расовым признакам. Даже такой общепризнанный стратег консервативной ориентации, как Кевин Филлипс, говоря о разнице в доходах американцев, признал, что “верхние два миллиона граждан зарабатывают больше, чем следующие за ними сто миллионов”. “Рейганомика” резко повысила уровень бедности, особенно в окраинах больших городов по всей стране.

В годы Рейгана-Буша федеральное правительство значительно сократило расходы на реализацию городских и региональных программ, что привело к падению трансфертных платежей местным органам власти на 60% с 1985 по 1991 г. Результат – увеличение числа бездомных, грабежи, детская преступность, убогие и опасные школы (24, с. 71).

В последнее десятилетие американский мегаполис нес на себе тяжелое бремя дефицита, который увеличивался по мере развития пригородов. Линия между городом и окружающими пригородами была прочерчена не хозяйственниками, а политиками, которые делали вид или не понимали, что пригород – это естественное продолжение города, а посему социальная и экономическая взаимосвязь между ними не должна игнорироваться. Нарушенная же связь неизменно вела к ухудшению материальных условий жизни горожан. К такому выводу пришел Дэвид Риск. В своей книге “Cities Without Suburbs” (1993) Риск, основываясь на изучении 1 тыс. крупнейших урбанизированных ареалов, пришел к выводу, что более чем в половине из них проявляются тревожные экономические и социальные проблемы. Особое внимание автор обратил на “гроздь гнева”, зреющие среди горожан по отношению к обитателям пригородов. Риск отмечал, что “расовая и экономическая сегрегация – это существо городских проблем Америки”, что до тех пор, пока американцы будут “жить глубоко укоренившимися страхами перед расой и социальными классами”, властям не удастся перестроить жизнь урбанизированной Америки в лучшую сторону.

Реальный город – это весь метрополитенский ареал, т.е. город и его пригороды. По сей день большинство черных и испаноязычных горожан проживают в обособленных от белых районах, которые принято называть “внутренними городами”. Характерные черты внутренних городов – непригодные для нормальной жизни здания, грязь, преступность, проституция, наркомания. Эти внутренние города изолированы от “внешних городов” – процветающих во всех отношениях пригородах, где большей частью проживают белые.

Решение проблемы Раск видит в “эластичности”. Под таковой он имеет в виду способность центрального города к безболезненной экспансии, т.е. к расширению своих границ или к уплотнению городского населения. Город, который буквально растягивается или увеличивает свое население путем прибавления к нему обитателей пригорода, “имеет будущее”. Города, которые правдой или неправдой стремятся не выходить за пределы своих старых границ, “будущего не имеют”.

В 1920-х годах в городах проживало более половины населения США. При этом в этот же период почти треть всего городского населения сосредоточивалась всего в 12 сверхкрупных (более 0,5 млн. человек) городах. В 1988 г. эксперты ООН насчитали в США 35 мегаполисов, к которым причислялись города с населением, превышающим миллион человек.

Особенно быстро формировались города на территории Солнечного пояса (территории бывшего рабовладельческого Юга и южной части Дальнего Запада). Его по тем или другим параметрам стали противопоставлять стагнирующему Промышленному поясу, в котором ныне сосредоточено лишь 40% всех горожан страны.

Мощным импульсом индустриализации Запада и Юга послужила милитаризация США. В эпоху научно-технической революции большее распространение получают наукоемкие отрасли промышленности, привлеченные благоприятным инвестиционным климатом, экологическими условиями и даже самым респектабельным имиджем Солнечного пояса.

Огромную роль в развитии городов Запада и Юга сыграло государство. Оно не только “завалило” контрактными заказами промышленные фирмы, выпускающие реактивную авиацию, телекоммуникационную технику, информационные системы, электронную продукцию, но и финансировало прокладку разветвленной сети автомагистралей, создание системы научных центров. Автоматизация производства позволила на Юге интенсивнее использовать менее квалифицированную рабочую силу при выпуске товаров широкого потребления.

По мере интеллектуализации труда и роста доходов населения повысился уровень его требований к качеству окружающей среды. Стремление жить в условиях мягкого и теплого климата в известной мере сказалось на оттоке населения из “морозных” или “снежных” районов Северо-Востока и Запада. Быстрый рост городов Калифорнии и Флориды в значительной степени определялся именно экологическими факторами. Причем города Солнечного пояса росли как за счет внутренней миграции, так и иммиграции из стран Латинской Америки.

Быстрое экономическое развитие принесло свои плоды. В 80-е годы важнейшие центры Солнечного пояса уверенно вошли в высший эшелон городской системы США. Большой Лос-Анджелес занимает вторую позицию в этой иерархии, Сан-Франциско – четвертую, Даллас – восьмую, Хьюстон – десятую. Впечатляющим выглядел рост распластавшегося на десятки миль Лос-Анджелеса, бросившего вызов экономическому и финансовому могуществу Нью-Йорка. За последние десятилетия число его жителей увеличилось почти на 9 млн. Этот город, близ которого расположена “фабрика грез” – Голливуд, считается ведущим культурным центром США. Сан-Франциско – город, красота которого не вызывает сомнений. Новый Орлеан стремится законсервировать культурную атмосферу “прекрасной Франции”.

В то же время необходимо отметить, что сельская местность не только Солнечного пояса, но и других регионов перестала быть источником роста городов. Естественный прирост сейчас главный источник городского населения США. И хотя в 1980-е годы в стране отмечался процесс “реурбанизации” – переселения части жителей из крупных городов в сельскую местность, переселенцы не становились селянами или фермерами, а оставались горожанами по своему образу жизни. “Мы всегда были нацией, которая не доверяла большим городам”, – утверждают ведущие американские социологи. “Большой город остается для большинства из нас прекрасным местом для посещения, местом, где зарабатываешь на жизнь, но не тем местом, где хочется жить”, – так объясняют свою жизненную позицию американцы, устроившиеся в одноэтажной Америке. 30% считают, что нет ничего лучше пригородов. 44% предпочитает жить в малых городах и сельской местности.

По мере оттока населения усилился процесс стагнации городов, а с ней – обнищания остающегося во “внутреннем городе” населения, подавляющее большинство которого

составляют негры и цветные. Резко обозначилась черта, разделяющая жителей собственно городов и пригородов. В Чикаго, например, афро-американцев насчитывалось 1074 тыс., испаноязычных – 545 тыс., выходцев из Азии – 152 тыс., белых – 1056 тыс. При этом 74% белого населения проживали в пригородных зонах (18, с. 94).

Происходящие в последние десятилетия в США демографические изменения тесно связаны с приходящими в упадок городами. Создавая ситуацию, при которой меньшинства идентифицируются с центральным городом, а белые – с пригородом, политики различных рангов отталкиваются от программ “Нового Федерализма”, делающих упор на дальнейшее развитие городов при минимальной поддержке государства. Видный американский социолог У. Уильямс обратил внимание и на то, что “передвижка” городского населения в пригороды сыграла роковую роль в общенациональных избирательных кампаниях. Если жители хорошо обеспеченных пригородов активно голосовали на президентских выборах, то среди обитателей “внутренних городов” процент голосовавших был самым низким.

Загородный электорат ныне занимает определяющую позицию на выборах. Если на трех президентских выборах, имевших место до 1992 г., кандидат от демократической партии собирал большинство голосов в крупных городах и терял голоса в штатах, где эти города были расположены, то на выборах 1992 г. ситуация изменилась. Окружение Б. Клинтона переориентировалось и сделало ставку на завоевание голосов обывателей, проживающих вне центральных городов. Расширяющаяся субурбанизация белого населения оказывает определенное влияние на разработку федеральных программ помощи крупным городам и их бедным жителям. Однако эти программы часто оказываются фикциями. Резкое сокращение федеральной помощи городам начиная с 1980 г. обычно увязывают с потерей политического влияния городов и усиливающегося влияния выборных коалиций в пригородах.

Большинство социологов сходятся во мнении, что на заре XXI в. город и пригород усилили процесс размежевания по расовым и по имущественным признакам. В городах осели бедняки – черные и цветные, а также не нашедшие “места под солнцем” белые. Пригороды заселяют лица с высокими доходами, представители среднего и высших классов, среди которых практически нет ни черных, ни цветных.

В то же время расовые неурядицы и напряженность в метрополитенских ареалах продолжают концентрироваться в центральных городах и оказывать влияние на взаимоотношения черных с другими национальными меньшинствами, а также с белыми, живущими на низкие доходы.

“Новая нищета” в загнивающих районах (гетто) крупных городов лишает жизненных сил местный бизнес. Жители этих районов, не имея возможности пользоваться нормальными условиями проведения досуга в своем городе, вынуждены искать их за его пределами. Глубокие различия в культуре поведения, а также во взглядах на окружающую действительность в известной мере объясняют не только изоляцию одних от других, но и довольно частые столкновения между теми, кто “имеет” и “не имеет”.

Политика насаждения бедности, особенно в городах, – это, прежде всего, политика расизма. Судья Верховного суда США Р. Гинзбург писала в 1995 г. о том, что, несмотря на ликвидацию “системы расовых каст”, расизм дает о себе знать при распределении рабочих мест, влияет на возможности рынка, сказывается на жизни “внутренних городов”. Расовая сегрегация и демографическая изоляция – отличительные признаки “новой” городской нищеты США. В нее погружены большие группы населения, представляющие национальные меньшинства. Афро-американцы, которых ныне насчитывается около 35 млн. человек, живут, по общим подсчетам, в четыре раза хуже, нежели их белые собратья. К тому же, остро стоит проблема пола. Три пятых всех семей, главами которых являются женщины с детьми, живут в глубокой бедности. Зоны широко распространенной бедности и нищеты вроде бы изолированы, но не скрыты (24, с. 70).

Такого рода зоны рассматриваются социологами как “неразвитые” части крупных городов. Эти части выдвигают сейчас перед градостроителями серьезную дилемму: либо довести их до “развитого” состояния, либо оставить их в “статичном” состоянии и заняться дальнейшим “развитием пригородов”, либо поиском новых мест для строительства. На пороге XXI в. эта проблема не нашла своего решения. Над ней бьются 15 тыс. организаций, занимающихся вопросами экономического развития. В этих организациях занято от 25 до 50 тыс. специалистов высокой квалификации.

Практики экономического развития городов и их агломераций сосредоточены в двух профессиональных ассоциациях: Совете по американскому экономическому развитию

(American Economic Development Council) и в Национальном совете по городскому экономическому развитию (National Council for Urban Economic Development). Каждая ассоциация издает свой собственный журнал: “Ревью экономического развития” (Economic Development Review) и “Комментарий к экономическому развитию” (Economic Development Commentary). Эти организации сыграли, как показала жизнь, позитивную роль в практике экономического развития городов. Но они не смогли даже схематично разработать модель американского мегаполиса XXI в., мегаполиса, в котором были бы полностью реализованы широковежательные лозунги братства, равенства и свободы, а также принципы социальной справедливости. Такова жизнь. Таким американский мегаполис входит в XXI век.

Список литературы

1. Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVIII-XIX вв. – М., 1970. – 156 с.
2. Богина Ш.А. Некоторые вопросы развития американской нации // Советская этнография. – М., 1968. – № 4. – С. 66-67.
3. Золотаревская И.А. Индейцы – коренное население США // Национальные процессы в США. – М., 1973. – 238 с.
4. Михайлов Е.Д. Проблемы больших городов. – М., 1973. – 347 с.
5. Нитобург Э.Л. Негры США // Национальные процессы в США. – М., 1973. – 238 с.
6. Харитонов В.М. Изменения в иерархии крупнейших городов США // Вестн. Москов. ун-та (география). – М., 1990. – № 5. – С.61-68.
7. Харитонов В.М. США: тенденции урбанизации // США: экономика, политика, идеология. – М., 1991. – № 9. – С.19-28.
8. The American Indian to day / Ed. by Levine S. and Lurie N.O. – Baltimore, 1970. – 380 p.
9. Amott T. Caught in the crisis: women and the US economy to day. – N.Y., 1993. – 491 p.
10. Alho O. The religion of the slaves. A study of the religions tradition and behaviour of plantation slaves in the United States, 1830-1865. – Helsinki, 1976. – 735 p.
11. Bell D. Faces in the bottom of the well: The permanence of racism. – N.Y., 1992. – 264 p.
12. Caditz J. White liberals in transition. Curzent dilemmas of ethnic integration. – N.Y., 1976. – 412 p.
13. Cavan R. The American family. – N.Y., 1969. – 127 p.
14. Goldsmith W., Blakely E. Separate societies: Poverty and inequality in U.S. – Philadelphia, 1992. – 540 p.
15. Gomez D. Somos chicanos: Strangers in our own land. – Boston, 1973. – 214 p.
16. Divided society. The ethnic experience in America // Ed. by Greez C. – N.Y., 1974. – 213 p.
17. Fairchild H. The foundation of social life. – N.Y., 1927. – 137 p.
18. Glazer N., Moynihan D. Beyond the melting pot: Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York – City. – Cambridge, 1970. – 237 p.
19. Gordon M. Assimilation in American life: The role of race, religion and national origins. – N.Y., 1964. – 364 p.
20. Harrison B., Bluestone B. The Great U-turn: Corporate restructuring and the polarizing of America. – N.Y., 1988. – 312 p.
21. Kotano H. Race relations. – Englewood Cliffs (N.Y.), 1974. – 425 p.
22. Kozol G. Savage inequalities. – N.Y., 1991. – 324 p.
23. Dilemmas of urban economic development. Issues in theory and practice. // Urban Affairs Annual Review. – London – New Delhi, 1997. – P. 35-48.
24. Wilson W. The new urban poverty and the problem of race //Michigan quart. rev. – Am Arbor (Mich.), 1994. – Vol. 5, № 7. – P. 64-72.
25. Pieroni P., Gatterchi R. Indiani, maladetti indiani. – Milano, 1974. – 213p.